

Эволюция хозяйственной жизни римской фамилии в эпоху Поздней республики

В эпоху Поздней республики фамилии элиты проникли во все уголки Средиземноморья. Новые элементы хозяйства в отдаленных регионах и отъезды представителей элиты из Рима по государственным делам уже не позволяли *pater familias* эффективно контролировать хозяйственную жизнь фамилии прежним способом. Возникавшие проблемы удавалось решать при помощи института *amicitia*. Эти изменения были экономическим кризисом роста римской фамилии в эпоху политического кризиса Римской республики.

Ключевые слова: Поздняя республика, экономика, фамилия, *pater familias*, *amicitia*.

В экономической истории одним из важнейших является вопрос, как соотносятся между собой политические изменения с экономическим развитием Древнего Рима. Как отметил Ж. Андро, он пока еще не получил полного и исчерпывающего ответа¹. Особый интерес этот аспект представляет для изучения эпохи Поздней республики, когда в период острого политического кризиса наблюдается общее экономическое развитие Рима. Чтобы приблизиться к пониманию этого сложного феномена, следует учитывать, что в отличие от современности древнеримская экономика не являлась ни доминирующей, ни самостоятельной сферой; она напрямую зависела от политической и моральной сторон жизни². Если рассматривать данную проблему сквозь призму хозяйственной жизни основной социально-экономической ячейки Древнего Рима – фамилии высших слоев римского общества (сенаторов и всадников), то протекавшие процессы можно увидеть под иным углом зрения.

Экономическая жизнь фамилии была неразрывно связана с жизнью римской гражданской общины, и здесь прослеживается ряд важных моментов. После подчинения Италии и завоевания заморских территорий Римом, *civitas* перешагнула границы первоначальной территории. Вслед за ней и фамилии представителей высших слоев римского общества вышли за пределы крестьянского хозяйства в Лации и распространили свои владения по всей территории Апеннинского полуострова. Несмотря на рост земельной собственности, ее структура у представителей римской элиты, как уже было показано в исследованиях, оставалась традиционно дробной и состояла из нескольких поместий катоновского типа³. Они находились под управлением виликов, но домовладыка по возможности регулярно посещал свои владения и контролировал деятельность администрации и проверял счета поместья.

В это же время возникают крупные скотоводческие хозяйства сенаторов и всадников на территории Южной Италии, связанные с перекочевкой стад на дальние расстояния⁴. Мы располагаем сведениями не более чем о двух десятках владений сенаторов на юге Апеннин, однако присутствие элиты было значительно шире. По мнению А. Джардина, из-за удаленности владений, куда домовладыки практически никогда не добирались, собственники земельных владений остаются незафиксированными в источниках⁵.

Как отмечал Цицерон (*Rosc. Am.* 132), из удаленных от Рима поместий в Бруттии их владельцы с большим трудом получали известия трижды в год. Да и Варрон, сторонник приносившего большие доходы отгонного скотоводства, по мнению Ф. Дези, вряд ли хоть когда-нибудь участвовал в сопровождении своих стад на зимние пастбища Апулии⁶.

Во главе пастухов, которые сопровождали кочевавшие стада, стояла уже новая фигура в рабской администрации – *magister resoris*, который по своему усмотрению несколько месяцев самостоятельно управлял имуществом хозяина⁷. В сельских владениях элиты появилось своеобразное передвижное хозяйство, которое могло приносить огромный доход. И хотя оно находилось под властью главы фамилии, имело с ним весьма слабые связи. А это вело к утрате домовладыкой регулярного и действенного контроля над этой частью фамилии, что свидетельствовало о кризисе традиционных форм управления, базирующихся на возможности постоянного и эффективного контроля главы фамилии рабского персонала, имущества и доходов.

Завоевание заморских провинций открыло широкое поле деятельности для представителей римской элиты, что в итоге вело

к проявлению тех же тенденций в хозяйственной жизни фамилии. Так, знаменитый ревнитель старины Катон организовывал заморские торговые экспедиции, приносившие огромный доход, поставив во главе их доверенное лицо – отпущенника Квинктиона (Plut. Cato mai. 21). Но наиболее обширные сведения о хозяйственной деятельности в этой сфере связаны с фамилией Сестиев. Уже с конца II в. до н. э. Луций Сестий, занимавший должность народного трибуна между 100 и 90 гг. до н. э.⁸, организовал в поместье Сеттефинестре возле Козы интенсивное винодельческое хозяйство и для транспортировки вина наладил производство керамической тары и других изделий⁹. Археологи обнаружили большое количество амфор из поместья Сестиев с аббревиатурой SES, SEST¹⁰ как в Италии, так и на территории Испании, Франции, Швейцарии и Греции¹¹. Самые многочисленные находки этих амфор были произведены на территории Франции, а обнаруженные под Марселем (Grand Congloué) остатки корабля с более чем 1700 амфорами с клеймами SES указывают, что Сестии осуществляли в Галлию массовые поставки вина из своего поместья в течение всего I в. до н. э. Вилла Сеттефинестре была одним из многочисленных поместий в эпоху Поздней республики, производивших вино для продажи в провинции. Только район Козы по подсчетам исследователей мог производить до 50 тыс. гектолитров вина в год¹².

Активные торговые операции и перевозка на кораблях домовладыки товаров, произведенных в хозяйстве фамилии, привели к появлению в рабской администрации новой фигуры – *magister navis*. Как и *magister pectoris*, он появляется в эпоху Поздней республики¹³. Являясь начальником на корабле и объединяя функции капитана, управляющего и торгового агента *pater familias*, он доставлял товар в провинции и заключал торговые сделки, за которые нес ответственность перед домовладыкой¹⁴. Как и магистр пастихов, он на многие месяцы мог выходить из-под контроля главы фамилии. Точное выполнение предписанных ему обязанностей зависело только от его моральных качеств. А они порой были весьма низкого уровня. Недаром в римском праве появился специальный преторский иск – *actio exercitoria* (Gai. 4. 71; Dig. XIV 1. 1. 19–20), который рассматривал иски к главе фамилии за ущерб, нанесенный его подвластным. Когда ущерб причинялся при сделках, исполненных по прямому указанию домовладыки, то глава фамилии возмещал его в полном объеме. Но если подвластное лицо, выйдя за рамки предписания, наносило ущерб самовольными действиями, то *pater familias* отвечал только в объеме пекулия, который существовал отдельно от счетов господина. И это было логично,

поскольку контролировать и не допускать произвола своих агентов в далеких от Рима провинциях домовладыка не мог.

О своеволии своего финансового агента вольноотпущенника Гилара и клиента Аттика в провинции эмоционально повествует Цицерон в письме к другу (*Cic. Ad Att. I. 12, 2*). Он характеризует его как «подлинного негодяя» (здесь и далее пер. В.О. Горенштейна) и просит Аттика, находившегося в это время в Афинах, расследовать его делишки и устранить «этого бездельника» от всех порученных дел. Этот эпизод показывает, что у сенаторов, занятых государственными делами в Риме и выкраивавших время лишь на посещение поместий в Италии, не было ни сил, ни возможностей контролировать хозяйственные дела в заморских провинциях.

Рассмотренный материал свидетельствует, что фамилия римской элиты в последний век республики превратилась в сложный производственный организм. В нем сельскохозяйственное производство, ремесленная деятельность и оптовая торговля органично дополняли друг друга, обеспечивая домовладыке высокий доход. Это было необходимым условием принадлежности главы фамилии к высшим социальным группам древнеримского общества, для которых было характерно тесное переплетение политических и экономических сфер деятельности. Владения, которые располагались недалеко от столицы, где протекала активная политическая деятельность домовладыки, находились под непосредственным контролем *pater familias*. А хозяйственные структуры, удаленные на многие сотни километров, контролировать силами фамилии уже было невозможно. В этой ситуации на помощь главе фамилии приходят наиболее близкие к домовладыке люди: родственники и друзья, что полностью соотносилось с традиционной формой повседневного поведения римлян. Г.С. Кнабе подчеркивал, что ни один римлянин не предпринимал сколько-нибудь серьезного шага как в домашних делах, так и в политике без совещания с «друзьями»¹⁵. Обычно в первую очередь советовались с близкими и дальними родственниками, земляками, близкими по образу жизни и мысли соратниками и даже доверенными клиентами и вольноотпущенниками.

Это наглядно свидетельствует переписка Цицерона. Марк обсуждает с братом Квинтом все вопросы, связанные с приобретением и управлением имущества фамилии (*Cic. Q. fr. II. 6 (5). 3; III. 1. 23–24; III. 4. 5 и др.*). Круг их интересов широк. Так, помимо хозяйственных вопросов, Квинт советуется с Марком и насчет планов пребывания у Цезаря в Галлии (*Q. fr. III. 1. 9; 1. 17; 6. 1 и др.*). Марк

также подробно информирует брата, находившегося за пределами Италии, об экономической жизни и финансовых делах его фамилии в городе и деревне (*Cic. Q. fr. II. 2. 2; 4. 2; 3. 7; II. 6 (5). 3; III. 1. 1; III. 1. 4–6* и др.). Во всех этих эпизодах Марк Туллий Цицерон фактически выступает «оком брата» в его владениях.

Но в отсутствие брата Марк мог принимать решения, связанные с оптимальным управлением имуществом Квинта (*Q. fr. II. 5. 4; III. 1. 1–2*). С. Питтия, специально рассмотревшая, в какой степени Марк вмешивался в дела брата, отмечала, что граница между ролью информатора, управлявшего текущими делами отсутствующего брата, и принятием за Квинта решений, которые входят в компетенцию главы фамилии, оказывается весьма зыбкой¹⁶. Однако переходил он ее только тогда, когда проблема уже была предварительно обсуждена и Квинт вынес свое решение. Поэтому все распоряжения Марка в отсутствие брата касались только вопросов всесторонней и оптимальной реализации замысла домовладыки¹⁷.

Марк вел и финансовые дела брата, пока Квинт находился за пределами Рима. Он самостоятельно совершает для Квинта, видимо на аукционе, покупку за 101 000 сестерциев имущества у Фуфидия в Арпине (*Q. fr. III. 1. 3*)¹⁸, уплачивает подрядчику деньги за произведенные работы (*Q. fr. II. 4. 2*), лоббирует в сенате выгодную для Квинта компенсацию трат за наместничество в Азии в динариях и выплачивает его долг Антонию и Цепиону согласно указаниям Квинта (*Cic. Q. fr. I. 3. 7*). Марк был в курсе финансовых затруднений брата и защищал его, когда он задерживал выплату долга Аттику (*Cic. Att. IV. 7. 2; VII. 18. 4; X. 11. 2*). Нехватка денег, их поиск и решение финансовых вопросов заставляют братьев совместно принимать решения и вести дела¹⁹. Примером общей прибыли стали рабы, выделенные Марку из добычи Квинта в Галлии (*Cic. Q. fr. III. 7 (9). 4*). Но в финансовых расчетах фамилии каждый отвечал сам за себя. Причины участия в управлении имуществом брата во время отсутствия Квинта в Риме проистекают из чувства родства братьев и основанных на этом близких отношений. Марк считает его не только братом, но и добрым товарищем, и сыном, и мудрым, подобно отцу (*Cic. Q. fr. I. 3. 3*).

Помимо описания родственных связей в эпистолярном наследии Цицерона отразилась такая важная особенность повседневной, хозяйственной и политической сфер жизни античного гражданина, как его включенность в различные контактные группы. Микроколлективы в Древнем Риме составляли плоть общественной жизни²⁰. Коллегиальность и складывавшиеся на этой

основе сообщества и содружества были в Риме «социально-психологической потребностью, универсальной стихией существования, которую постоянно и многообразно источали из себя социально-экономические и политико-идеологические условия жизни общества»²¹. Для элиты таким содружеством выступало сообщество друзей (*amicitia*), в рамках которого принимались все важнейшие решения.

Цицерон обсуждает различные вопросы с другом Аттиком. И для того, и для другого важно мнение близкого друга и поддержка принятого решения (*Cic. Att. VII. 5. 3; XII. 28. 3; I. 14. 7*). Такие же отношения были с Публием Сестием (*Cic. Fam. V. 6. 2*). В свою очередь, когда Публий Сестий находился в Македонии, Цицерон информировал друга о делах его фамилии (*Cic. Fam. V. 6. 3*). *Amicitia* активно использовалась при финансовых операциях. Из произведений Цицерона, как показал Ж. Андро, известно 25 представителей элиты, ссужавших деньги в долг²². Для Марка и Туллия таким человеком, к которому они часто обращались за финансовой помощью, выступает всадник Атик. Но оба брата обращаются и к другим представителям знати. Цицерон оценивает эту новую ситуацию – возможность использовать для своих целей денежные ресурсы друзей – в письме к Аттику в январе 61 г. до н. э., когда описывает покупку дома. «Дело в том, что и я удачно купил дом, и люди стали понимать, что допустимо пользоваться средствами друзей при покупке, которая делается для придания себе некоторого веса» (*Cic. Att. I, 13, 6*). Таким образом, *amicitia* в дополнении к индивидуальным усилиям домовладыки выступает важным механизмом достойного приобретения фамильного имущества, столь необходимого для политической карьеры и поддержания высокого социального статуса.

Но возможности *amicitia* были шире. Привлекая друзей, можно было эффективнее управлять имуществом фамилии и контролировать деловых агентов, находящихся вдали от *pater familias*. Так, Марк, как уже упоминалось выше, поручает Аттику в Афинах отстранить от участия в денежных операциях негодя вольноотпущенника Гилара (*Cic. Att. I. 12. 2*). В другом письме (*Att. I. 15. 2*) Цицерон просит сообщить, что Атик выполнил из переданных ему поручений (*de meis mandatis*). В переписке Марк постоянно дает указания по важным хозяйственным вопросам фамилии – закончи, удали, разузнай и т. п. (*Cic. Att. I. 12. 2; II. 4. 1; 6. 2; 16. 4*).

К. Вербовен, который специально исследовал институт *amicitia* в экономике, отмечал, что основой совместных экономических дей-

ствий друзей выступали высокие моральные нормы и нравственные ценности в духе *mos maiorum*, объединявшие близких людей. В их числе: благородство, щедрость, благодеяние, благодарность и ответный долг, верность, доброжелательность и любовь, достоинство²³. По существу *amicitia* выступает как система социального обмена, генерирующая различные ресурсы²⁴. Ж. Андро, рассматривавший вопрос о том, что доминировало в экономической сфере: индивидуальные усилия, родственные связи или единство и солидарность аристократии, показал, что в финансовой деятельности сила дружбы становится сильнее силы родства. Новые отношения вытесняли традиционные поведенческие модели глав фамилий, характерные прежде²⁵.

Появление в Поздней республике новых элементов семейного хозяйства в различных уголках римского мира, куда *patris potestas* домовладыки дотянуться не может, сделали невозможным управление имуществом фамилии на тех же принципах, как это делали предки в рамках замкнутой, живущей изолированной самостоятельной хозяйственной жизнью фамилии. В это время полноценная хозяйственная жизнь фамилии (регулярное получение материальных и финансовых средств) представителей высших слоев римского общества, которая необходима для поддержания высокого социального статуса домовладыки, стала возможна только с широким привлечением помощи и ресурсов «друзей».

Такая помощь друзей и родственников в управлении разросшейся фамилии, перешагнувшей свои прежние рамки, указывает на важные изменения, которые произошли в прежде замкнутой, с четко очерченными рамками фамилии. Это был объективный процесс, отражавший дальнейшее развитие хозяйства домовладыки, который свидетельствовал, что традиционная форма организации хозяйственной жизни римской фамилии в эпоху Поздней республики переживала своеобразный кризис. На повестку дня остро встал вопрос разрушения прежней обособленности фамилии, трансформации принципов ее жизни и управления. Семейное хозяйство в эпоху политического кризиса и гибели республики исчерпало свой внутренний потенциал и также вступило вслед за *civitas* в полосу кризиса. Но это не был кризис экономического упадка и деградации. Наоборот, экономический потенциал фамилии растет и укрепляется. Кризис форм управления обширным хозяйством фамилии был кризисом роста, открывавшим новые возможности развития и фамилии, и всего общества.

Список сокращений

- Cic. Rosc. Am. – M. Tullius Cicero, Pro S. Roscio Amerino / Марк Туллий Цицерон, Речь в защиту Секста Росция из Америи
 Plut. Cato mai. – Plutarchus, Cato maior / Плутарх, Катон Старший
 Gai – Gaius, Institutes / Гай, Институции
 Dig. – Digesta Iustiniani / Дигесты Юстиниана
 Cic. Ad Att. – M. Tullius Cicero, Epistulae ad Atticum / Марк Туллий Цицерон, Письма к Аттику
 Cic. Q. f. – M. Tullius Cicero, Epistulae ad Quintum fratrem / Марк Туллий Цицерон, Письма к брату Квинту
 Cic. Fam. – M. Tullius Cicero, Epistulae ad familiares / Марк Туллий Цицерон, Письма к близким

Примечания

-
- ¹ *Andreau J.* Rôle de l'économie dans le passage de la République à l'Empire // Die späte römische Republik. La fin de la république Romain. Un débat franco-allemand d'histoire et d'historiographie / Ed. par H. Bruhns, J.-M. David, W. Nippel. (Collection de l'École française de Rome. 235.) Rome: EFR, 1997. P. 169–193.
- ² *Кузицин В.И., Штаерман Е.М.* Экономика и политика в античном обществе // Вопросы истории. 1989. № 8. С. 52.
- ³ *Кузицин В.И.* Генезис рабовладельческих латифундий в Италии (II в. до н. э. – I в. н. э.). М., 1976. С. 71, 130.
- ⁴ *Thompson J.* Pastoralism and Transhumance in Roman Italy // Pastoral Economies in Classical Antiquity / Ed. by C.R. Whittaker. Cambridge: Cambridge Philological Society, 1988. P. 213.
- ⁵ *Giardina A.* L'Italia Romana. Storie di un'identità incompiuta. Roma, 1998. P. 141.
- ⁶ *Desy Ph.* Recherches sur l'économie apulienne au II et au I siècle avant notre ère. Bruxelles, 1993. P. 168.
- ⁷ Об этом см.: *Ляпустин Б.С.* Magister в хозяйственной структуре римской familia II в. до н. э. – II в. н. э. (К вопросу о функциях и правомочиях рабского magister) // Вестник Московского ун-та. Сер. 8. История. 2007. № 3. С. 85–97.
- ⁸ *Münzer F.* Sestius (s.v.) // RE. II. R. Hlbd. 4. Stuttgart, 1923. P. 1884 (n. 2).
- ⁹ *D'Arms J.H.* Commerce and Social Standing in Ancient Rome. Cambridge, MA; L., 1981. P. 56–57; *Brown F.E.* Cosa. The Making of a Roman Town. Michigan: Ann Arbor, 1980; *Carandini A.* Schiavi in Italia. Gli strumenti pensanti dei Romani fra tarda Repubblica e medio Impero. Roma, 1988. P. 109–127.
- ¹⁰ *D'Arms J.H.* Op. cit. P. 56, fig. 8.

- ¹¹ *Tchernia A.* Le vin de l'Italie romaine. Essai d'histoire économique d'après les amphores. Rome: Ecole française de Rome, 1986. P. 163, 401, carte 6. doi : 10.3406/befar.1986.122.
- ¹² *Greene K.* The Archaeology of the Roman Economy. L., 1986. P. 87–93; *Tchernia A.* Op. cit. P. 161; *Di Porto A.* Impresa agricola ed attività collegate nell'economia della «villa»: alcune tendenze organizzative // *Sodalitas. Scritti in onore di A. Guarino*: In 9 vols. Vol. 7. Napoli, 1984. P. 32–36.
- ¹³ Об этом см.: *Ляпустин Б.С.* Указ. соч. С. 97–105.
- ¹⁴ *Guarino A.* Magister e gubernator navis // *Labeo*. 1965. Vol. 11. P. 36–37.
- ¹⁵ *Кнабе Г.С.* История. Быт. Античность // *Быт и история в античности* / Отв. ред. Г.С. Кнабе. М., 1988. С.14.
- ¹⁶ *Pittia S.* L'influence des liens de parenté sur la prise de décision économique: le cas des *Tullii Cicero* // *Mentalités et choix économiques*. Bordeaux, 2004. P. 27.
- ¹⁷ *Pittia S.* Op. cit. P. 34.
- ¹⁸ По мнению С. Питтия, это связано с аукционной продажей, когда времени на обсуждение покупки не было. См.: *Pittia S.* Op. cit. P. 32.
- ¹⁹ Подробнее об этом см.: *Pittia S.* Op. cit. P. 35–39.
- ²⁰ *Кнабе Г.С.* История. Быт. Античность // *Быт и история в античности* / Отв. ред. Г.С. Кнабе. М., 1988. С. 14.
- ²¹ *Кнабе Г.С.* Древний Рим – история и повседневность. М., 1986. С. 139.
- ²² *Andreau J.* Activité financière et liens de parenté en Italie romaine // *Parenté et stratégies familiales dans l'antiquité romaine. Actes de la table ronde des 2–4 octobre 1986* (Paris, Maison de sciences de l'homme) / Ed. par J. Andreau, H. Bruhns. Rome: EFR, 1990. P. 517.
- ²³ К. Вербовен в феномен *amicitia* в экономике включает еще и отношения патрона, клиенты и даже связи с рабами. См.: *Verboven K.* The Economy of Friends. Economic Aspects of *Amicitia* and Patronage in the Late Republic. (Coll. Latomus). Bruxelles, 2002. P. 9–70.
- ²⁴ *Verboven K.* Op. cit. P. 341.
- ²⁵ *Andreau J.* Op. cit. P. 525.